

Этот круг мыслей разделял тогда и Тургенев — в свете их он и воспринял глубоко поразившее его воображение состязание певцов, которое он наблюдал в Притынном кабаке.

Внимание Тургенева в эти годы было особенно привлечено к вопросам познания русского народного характера и места русского народа в грядущей истории человечества. В конце 40-х годов эти вопросы с большой силой и страстностью были подняты в западноевропейской печати Герценом. В 1849 г. появились его письма к Гервегу и Маццини, а в следующем году немецкое издание книги «С того берега», в которое вошли и эти письма. Статьи, составляющие содержание «С того берега», были хорошо известны русским друзьям Герцена, ибо он аккуратно пересылал им по частям русский текст книги (Г., V, стр. 530). Тургенев же ознакомился с письмами к Гервегу и Маццини и всей книгой в целом еще в Париже, откуда он уехал в июне 1850 года.

Книга эта произвела огромное впечатление на современников. Острая и беспощадная критика буржуазного строя и критика идей и тактики буржуазной демократии сочетались в ней с несокрушимой и страстной верой в великую историческую роль, которую призван сыграть русский народ в деле раскрепощения всего человечества. «Европа станет свободной только через раскрепощение России», подлинно пророчески утверждал Герцен (Г., V, 334). Соответственно этому одной из своих задач он ставил ознакомление западноевропейских читателей с обликом и характером «мощного и неразгаданного» русского народа. В живых и ярких образах Герцен показывал, как, несмотря на тяжелейший политический гнет и «унизительное рабство», несмотря на годы длительных, не прекратившихся еще страданий, русский крестьянин сумел сохранить и внешнюю привлекательность и великую внутреннюю силу — великий запас «силы, ловкости, ума и красоты» (Г., V, 351), «открытое красивое лицо и живой ум» (Г., V, 342). В немецкое издание не вошло «Посвящение», помеченное «1 марта 1849 г.» и предназначенное первоначально исключительно для русских друзей. В нем эти мысли выражены с еще большей силой и четкостью, и там же, словно повторяя Белинского, к основным свойствам русского народного характера Герцен добавляет «широкий разгул богатой природы под гнетом крепостного состояния» (Г., V, 391). В этих словах Герцена и в приведенных выше высказываниях Белинского — ключ к истолкованию «пьяной сцены» в «Певцах» и для уразумения органической связи ее со всем рассказом в целом. Вопреки тому, что писали о «Певцах» некоторые критики, сцена пьянства лишена каких-либо резко подчеркнутых натуралистических подробностей. К ее скупому и сдержанному описанию более всего подходит гончаровское выражение о «барельефности» тургеневского рисунка. И вместе с тем на ней лежит отпечаток некой трагичности: сам Тургенев характеризует ее как «невеселую, хотя пеструю и живую картину» (Т., I, 216). Этот трагический колорит Тургенев подчеркивает и образом пейзажа, на фоне которого происходило состязание и следующее за ним разгульное веселье («Было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоко молчании обессиленной природы»), и завершающим повествование образом ребенка, которого ждет унизительное наказание. И в данном случае перед нами конкретное художественное воплощение одного из принципов эстетики трагического Белинского. Анализируя образ одного из любимых героев русской эпической поэзии — Василия-пьяницы, Белинский писал: «Неопределенность общественных отношений, сжатая извне внутренняя сила, всегда становятся народ и человека в трагическое положение. Пьянство русского человека есть не слабость, — как слабость, пьянство особенно гнусно: — пьянство русского человека есть порок, и порок не комический, а трагический» (Б., VI, 409—410).

В критической литературе о Тургеневе было высказано утверждение, что повышенный интерес Тургенева к фольклору, особенно проявившийся в 1850-е годы, объясняется главным образом влиянием Аксаковых, под-